

КУЛЬТУРА

Скромное обаяние порока

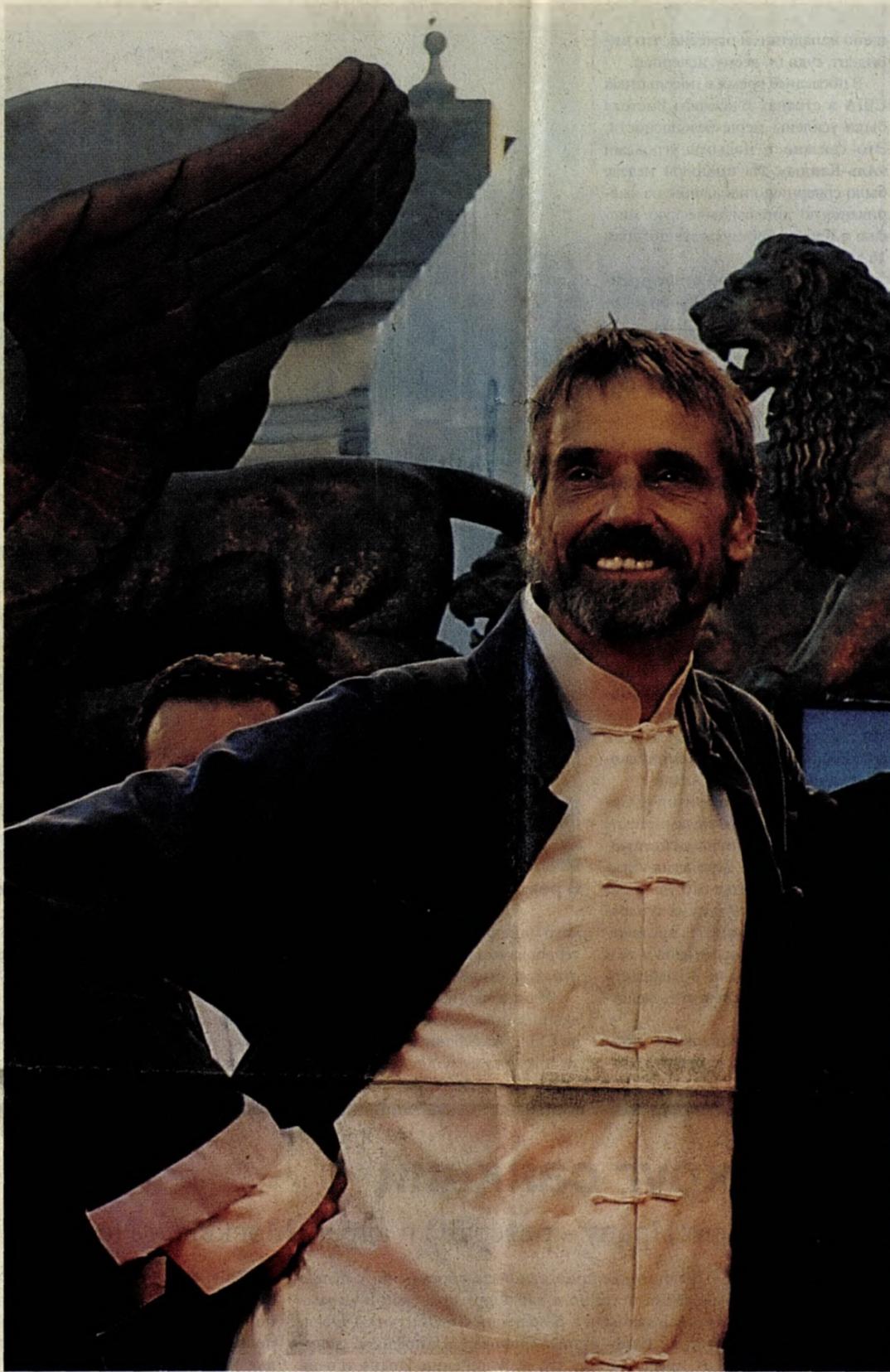
Джереми Айронз играет, чтобы жить, а не живет, чтобы играть

Екатерина Барабаш
Венеция – Москва

Джереми Айронз – актер-интеллектуал. Его персонажи – как правило, люди эмоционально напряженные, со сложным, иногда расколотым внутренним миром. У него внешность настоящего английского джентльмена, выдержанного, немногословного, этакий тихий омут, в котором водятся черти. Айронз – английский актер, хотя много работает в Голливуде. Снял в таких фильмах, как «Женщина французского лейтенанта» Кэрела Рейза, «Измена» Дэвида Хью Джонса, «Любовь Свана» Фолькера Шлендорфа, «Ущерб» Луи Малля, «Кафка» Стивена Содерберга, «Ускользящая красота» Бернардо Бертолуччи, «Двойник» и «М. Баттерфляй»

кинули зал во время показа «Внутренней империи»?

– Абсолютно нет. Ну ушли сто человек из тысячи. Значит, это люди, которые не захотели или не смогли отключить мозги и включить интуицию, отдаться своим ощущениям. Пусть смотрят кино, где все ясно. Например, когда вы приходите в картинную галерею и видите там Шагала или кого-нибудь из импрессионистов, разве вы водите пальцем по полотну, пытаетесь разобрат каждую черточку, каждый штрих, стараетесь разглядеть – а что там изображено на заднем плане? Ведь нет, вы смотрите с расстояния и погружаетесь в то настроение, в те ощущения, которые хотел вызвать в вас художник. «Внутреннюю империю» надо смотреть так же, это очень эмоциональное кино.

Айронза многие считают суховатым английским джентльменом, на самом же деле он улыбочив и очень эмоционален.

Фото Reuters

В жизни масса радостей помимо работы: дом, сад, лошади...

Дэвида Кроненберга, «Лолита» Эдриана Лайна, «Казанова» Лассе Хальстрема... На его счету в общей сложности почти семьдесят картин, включая телесериалы, и «Оскар» за лучшую мужскую роль («Поворот судьбы»). В Венецию Джереми Айронз приехал вместе с Дэвидом Линчем представлять его новый фильм «Внутренняя империя», где сыграл одну из главных ролей.

– Мистер Айронз, первый вопрос может выглядеть некорректным, но все же... Когда вы снимались у Дэвида Линча во «Внутренней империи», вы понимали, что происходит в фильме? Я имею в виду сюжет.

– Нет. Даже не спрашивайте меня про сюжет, я ничего не знаю. Я играл ту роль, которую предложил мне Линч, и старался по максимуму выполнять требования режиссера. Когда я начал читать сценарий, то даже не задумывался о том, насколько может быть понятен сюжет. Есть фильмы, состоящие из прямых линий, – вот одна сюжетная линия, вот другая, они пересекаются, каждая имеет начало и конец. А есть кино, которое даже не надо стараться понять, по крайней мере умом. Кино Линча – это кино, которое можно принимать только на уровне интуиции. Или не принимать вовсе. Это кино настроения, ощущений, наших внутренних скрытых страхов.

– Значит, вас совершенно не смутил тот факт, что многие по-

– Про вас говорят, что вы «самый английский актер». Как вы сами думаете, что под этим подразумевается?

– Я вообще не сторонник каких бы то ни было определений и ярлыков. Что значит «самый английский», «самый французский», «самый русский»? Актер может быть хорошим или плохим, но профессия наша, как мне кажется, национальная. Хотя не знаю, может, про меня так говорят, потому что у меня внешность аскетичная, а у многих сложился стереотип английского джентльмена именно такой – немногословный, неулыбчивый худой человек с тростью. Но у меня, как видите, нет трости, и к тому же я человек веселый, даже смешливый и настоящий жизнелюб, очень эмоциональный.

– Настоящую известность вы приобрели не очень рано, вам уже было за тридцать, когда вышла «Женщина французского лейтенанта». И сразу обрушилась слава. Как вы с ней справлялись?

– Не буду кокетничать – трудно, но радостно. Я ведь долго шел к своей роли, к своему имиджу. До этого десять лет снимался на телевидении, в сериалах, хотя в театре было много неплохих ролей. А до этого, сразу после школы, в 18 лет устроился в театр ассистентом. В мои обязанности в основном входило подметать полы, следить за тем, не сломалась ли ножка у стула. Я очень любил театр, но с детства

мечтал о кино. Я родился на острове, и, чтобы попасть в кино, мне надо было пересечь пролив. Так что в кино я в определенном смысле приплыл. Родители хотели, чтобы я стал ветеринаром, и отдали

меня в специализированную школу. В какой-то момент я даже смирился с тем, что буду всю жизнь лечить животных, но когда окончательно понял, что это не по мне, пошел в театр подметать полы.

Потом, когда переехал в Лондон и начал искать работу, работал садовником, уличным музыкантом, домработницей.

– После «Женщины французского лейтенанта» и «Измены»

за вами закрепилась репутация тонкого психологического актера, вас стали приглашать на роли интеллектуалов с двойным дном. Не бывает у вас желания хотя бы иногда ломать этот имидж?

– Интеллектуал с двойным дном – это очень широкое понятие, оно дает необычайный простор для игры. Поэтому у меня нет ощущения, что режиссеры эксплуатируют мой имидж. К тому же для меня актерство – это продолжение мысли, что никакая хорошая роль не может возникнуть сама по себе, это всегда плод напряженной интеллектуальной и эмоциональной работы. Мне всегда интересно показывать, как человек умудряется в жизни не связывать слова и дела, как произносит ртом одно, а душой и умом – совершенно другое. Те роли, в которых у меня этого не было, – например, «Человек в железной маске», – я считаю неудавшимися. А насчет двойного дна... Порок необычайно интересен. Мне, скажем, по-человечески неприятен Гумберт Гумберт в «Лолите», но какой материал для игры, какая смесь любви, порока, страданий!

– Когда вам вручали «Оскар» за роль Клауса фон Булова в «Повороте судьбы» Шредера, вы в своей речи поблагодарили Дэвида Кроненберга. Почему вдруг именно его?

– Кроненберг – великий режиссер, роль братьев-близнецов в «Двойниках» для меня одна из самых ценных в моей карьере, и я ему за это благодарен. Я не уверен, что без Кроненберга моя судьба сложилась бы именно так, как сложилась. Играть две роли, двух человек, моментами поразительно похожих, моментами – абсолютно разных, – истинное актерское наследие.

– Вы играете, чтобы жить, или живете, чтобы играть?

– Игра – моя работа. Поэтому я играю, чтобы жить. По-моему, нормальное здоровое отношение к работе. В жизни ведь масса радостей помимо работы. Я очень люблю дом, семью. Очень хорошо помню мой первый день в закрытой школе, куда меня отдали родители. Мне было семь лет, и тогда я впервые понял, как это страшно, когда у тебя нет дома. Я еще тогда решил, что у меня будет хорошая счастливая семья, любимый дом. Я обожаю наш дом в Оксфорде, у меня там сад, за которым я сам ухаживаю. Еще я очень люблю кататься на лошади. Мне кажется, что если у меня и возникают иногда умные мысли, то, как правило, именно во время таких прогулок.